

**КОСТЬ
И СОЛЬ**

Xenia Pike

Xenia Pike

Кость и соль

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70564879
SelfPub; 2024*

Аннотация

Это история о нелепости бюрократии, толкающей её героев к сложным моральным выборам. В портовом городе Скоркос журналист и детектив Анаэрин направляется в бакалею “Кость и соль”, чтобы приобрести... кровь. Не волнуйтесь, всё в рамках закона. У него есть лицензия – розовый билет, дающий право на покупку крови для колдовства. Почему именно кровь? Почему кровь продаётся в бакалее? Колдунам нужна лицензия? И что, если лицензия окажется просроченной?

Xenia Pike

Кость и соль

Вечерняя прохлада спускалась с гор. Хотя дни в календаре значились как летние, погода становилась всё более капризной. Короткие солнечные вспышки сменялись резкими, стремительными дождями, после которых наступали моменты передышек с поддерживающим, успокаивающим ветром. В портовом городе Скоркос, расположенном на берегу Жемчужной бухты, это не было чем-то необычным.

Необычным не считались и жившие в Скоркосе маги. Искушённые в книжных истинах называли их колдунами, все прочие – чернокрасами. Внешний их вид ни чем не отличался от заурядного торговца или любого другого горожанина. Но была в них одна примечательная деталь (помимо *сверхчеловеческих* способностей, конечно) – склонность посещать бакалеи сети "Кость и соль".

Заприметить такую бакалею издалека можно по обрамлявшим вход асимметричным линиям, выкрашенным в ярко-алый цвет. Внутреннее убранство, как правило, походило на интерьер аптеки – строгий и основательный. Мебель тёмных оттенков, массивные шкафы, укреплённые костяной сеткой, на прилавке латунные рычажные весы. Поражало обилие и разнообразие штангласов, более известных как склянки. В стеклянных хранились соли. Преимущественно

кальция. Таковая легко обнаруживалась в открытом доступе на любой кухне и называлась "поваренная соль".

И хоть соль сама по себе была совершенно обычной, в Скоркосе она оказывала оригинальный эффект – напрямую влияла на сверхсилу чернокрасов, ослабляя её.

Железо, напротив, – усиливало.

Понять этот эффект нельзя без ещё одного магического компонента. Не уникального по своей сути, но *легально* приобрести который можно было *исключительно* в сети "Кость и соль".

Ассортимент этих бакалей, парадоксально, состоял не только из двух перечисленных в названии товаров и включал целых три наименования – соль, кость и *кровь* .

О зависимости чернокрасов от крови ходило много слухов. Большая их часть, к счастью, не имела никакого отношения к реальности. Воображение иногда развито столь хорошо и столь бурно проявляет себя в творческом полёте фантазии, что после требуется несколько абзацев отрезвляющих комментариев.

В случае чернокрасов кровь им требовалась исключительно для колдовства. Чем больше крови, тем сильнее магия. И кровь должна быть не абы какой, а обязательно разумных существ, то есть человеческая (другой разумной жизни в Скоркосе не водилось).

Кровь – сильнейший катализатор. Вступая в реакцию с *Омутом* , магическим источником, заключённым где-то на

дне Восьми морей, кровь "*сгорает*" и на месте остаётся лишь чёрное пятно. Омут не видим человеческому глазу, но воздействует на окружающий мир и изменяет его *по воле* чернокраса или *без* неё.

По этой причине кровь держали в выращенных алхимиками полых соляных кристаллах, дабы предотвратить неконтролируемое взаимодействие Омута с окружающей средой. Иначе, могло произойти *всё*, что угодно.

Ещё один аспект, вытекающий из вышесказанного, – необозримое могущество ждёт того, кто прольёт кровь сотен и тысяч людей. Поэтому в Скоркосе действовал "*Закон о трёх К*" - кровопролитии, коммерции, контрабанде.

Закон налагал строжайший запрет на кровопролитие, регламентировал правила легальной коммерческой деятельности и боролся с контрабандой крови. Считалось, что именно Закон удерживал всех чернокрасов от массовой резни ради сиюминутного волшебства. Хотя большинство из них, надо полагать, обладало здравым смыслом, нравственными ориентирами и толикой эмпатии.

Журналист по призванию, частный детектив по долгу службы, а для особых случаев чернокрас Анаэрин направлялся в место, обрамлённое красными кованными узорами с латунной табличкой "*Кость и соль. Бакалейная торговля*". Одет он был по погоде и, что называется, по последнему пискку моды. Писк этот звучал, как сочетание непрактичных элементов одежды с разрезами в самых неожиданных местах,

укороченные фасоны и распашные узорчатые камзолы, носимые нетрадиционным образом. Присущая ему исключительная страсть к узким брюкам в совокупности с очень высоким ростом, белой кожей и тёмными выющимися до плеч волосами делали его субъектом весьма приметным в любом обществе.

На закате дня бакалея всё ещё принимала посетителей. Анаэрин толкнул дверь – звякнул колокольчик. Внутри оказалось пустынно. Едва переступив порог, журналист ощутил лёгкий характерный вкус паров солей. Колкий, ароматный и в то же время пряный. Эффект достигался за счёт добавления эфирных масел в раствор. Ни с чем не перепутать.

Анаэрин хоть и не являлся постоянным клиентом сети "Кость и соль", знал всех её сотрудников в лицо. Было их немного, а сменялись они крайне редко. В этот раз ему предстояло иметь дело с Раэзией Рэйнбоу, женщиной за сорок, со стянутыми в пучок волосами, в коричневом фирменном фартуке, делающей записи в книге учёта. Это открытие не обрадовало мужчину. Ему по душе больше приходилась простодушная и лёгкая в общении Анэлия Аровиг, чем строгая, придиричивая и донельзя педантичная Раэзия.

Но поделаться с этим ничего было нельзя, а запасы крови подошли к концу. К тому же, сегодня был последний день действия розового билета – листка, который выдавался чернокрасам сроком до месяца с разрешением на отоваривание в любой бакалее "Кость и соль".

Помимо журналиста в магазине был ещё один поздний покупатель. Анаэрин даже не обратил бы внимания на жавшегося в углу человека, если бы не его шарф. А точнее то, как незнакомец носил его.

Старый, расшитый серебристыми нитями шарф, скрывал лицо, как если бы на улице был ураганный ветер. Но этого оказалось недостаточно, и растянутая до предела ткань, словно нагрудная броня, закрывала тело спереди и окольцовывала узкую талию. Ко всему прочему, шарф выглядел старым, но качественно сделанным и хорошо сохранившимся. Его ценили, ухаживали... а потом кто-то взял и надел его так, словно это была всего лишь простынь. Смотреть на это без боли невозможно.

"Нельзя так неуважительно относиться к старинным вещам", – мысленно ворчал Анаэрин.

С тяжёлым сердцем отведя взгляд от шарфа, он подошёл к прилавку из тёмного дерева, с рычажными весами и старинным кассовым аппаратом, закрывавшемся на ключ.

В его намерения входило приобрести дюжину флаконов с «белой» кровью. Кровь, конечно, не буквально была белой. Цвет её был как раз совершенно обычным. Зато собиралась она у добровольных доноров, которыми двигал гражданский долг, а вовсе не возможность подзаработать.

Анаэрин приятельски улыбнулся женщине, предъявляя свой билет на отоваривание в бакалях “Кость и соль”. Раэзия, прервав записи в Книге счетов, посмотрела на листок.

Ей хватило буквально пары секунд для проведения экспертизы и вынести вердикт:

– Недействителен, – безучастно произнесла женщина.

Первым импульсом Анаэрина было подозрение на внезапно развившуюся у него глухоту.

– Что значит недействителен? – переспросил он.

– Это значит, что ваш билет не является легально действующим на территории городской общины Скоркос, – бюрократическим тоном продекларировала Раэзия и вернулась к работе со счетами, потеряв, очевидно, всякий интерес к персоне журналиста. И даже накинутый на левое плечо горчичный камзол, украшенный цветочной вышивкой, не заинтересовал её.

Второй импульс породил в нем надежду на то, что произошла ошибка.

– Это какая-то ошибка...

– Я не допускаю *никаких* ошибок в своей работе, – обрвала Раэзия, росчерком пера ставя жирную, безукоризненную, чернильную точку в графе "Расход".

За сим последовал третий импульс – злость и отрицание.

– Как это недействителен? Это просто смешно! – воскликнул он, оглядываясь по сторонам в поисках поддержки в борьбе с проявленной в отношении него несправедливостью.

Спустя четверть часа Анаэрин всё ещё стоял у прилавка из тёмного дерева и вёл страстный спор с женщиной в фартуке из жёсткого, пропитанного солями материала.

– В который раз вам повторяю, – отбивала она очередной выпад, – бланк недействителен.

Её нахмуренные брови и сжатая челюсть посылали недвусмысленный сигнал усталости и раздражения.

– Не может такого быть! – продолжал возражать журналист, со своей стороны игнорируя все знаки. – Я всегда регулярно оплачиваю пошлину. В начале каждого месяца. Новый начнётся только завтра.

– Но оплата не привязана к месяцам, – парировала оппонентка. – Вот тут, смотрите...

Глаза Анаэрина автоматически проследовали за тонким длинным пальцем.

– ...чёрным по красному написано, что у вас оплачено 44 дня, а сегодня 45-е число...

– Что?.. Но...

У Анаэрина не нашлось слов, способных в достаточной степени выразить его замешательство и несогласие с методикой подбора аргументов Раэзии. В его голове кометами пролетали все доводы против. Например, что в третьем месяце года, втором месяце лета – апате – было ровно 44 дня. И так как сейчас лето, совершенно логично и объективно верно утверждать, что сегодня именно 44 день. Если только...

И вот наконец настала стадия принятия.

Пустым взглядом Анаэрин смотрел на заветное число в своём розовом билете. Графа “дни” всё не менялась. Ровно как и графа “месяц” – гимер.

Гимер был четвёртым месяцем года, одним из двух, что имели дополнительный 45 день.

Но как? Как Анаэрин мог впутаться в такую календарную неразбериху, будучи столь ответственным и организованным человеком?

Ответ напрашивался сам собой – обнуление календаря.

Скоркоский год состоял из восьми месяцев. Шесть из них имели по 44 дня и два – по 45. Нетрудно подсчитать и количество дней в году – 354.

Однако, изящно составленный, симметричный календарь никак не соотносился с графиком движения планеты. Из-за этого каждые три года накапливались несовпадения астрономических месяцев с календарными, приводившие к смещению сезонов. Казалось бы, самым простым и логичным решением было просто реформировать календарь и соотнести его с астрономическим годом. Но такая политика шла вразрез с поддержкой Традиции, следованию политике Премственности и уважением старой Культуры. Поэтому, вместо создания нормального календаря каждые четыре года в Скоркосе просто "обнуляли" календарь, и весь цикл начинался заново.

Сказать, что Анаэрин был потрясён осознанием, что полгода прожил по неправильному календарю, значило не сказать ничего. Оставалось только порадоваться, что некому было посмеяться над его конфузом.

"Во всём, конечно, виновата погода", – оправдывал он се-

бья. Аномально холодное лето, несомненно, являлось виновником его календарной бестолковости.

– Раз мы всё прояснили, – подвела итог Раэзия, – прошу вас, больше не задерживать меня и других покупателей.

Женщина сверилась с часами, которые вынула из кармана жестяного, как и она сама, фартука, и кинула взгляд на фигуру в шарфе.

– Осталось не более пяти минут – и магазин немедленно закроется, – недвусмысленно намекнула она.

– Мы не закончили, – возразил Анаэрин.

– Не знаю, что вы ещё от меня хотите. Я уже *всё* вам сказала. Приходите в другой день с правильно заполненным и оплаченным билетом.

Анаэрину ничего не оставалось, как сдаться. Он стремительно направился к выходу и резче, чем предполагал, толкнул дверь на улицу. Дверь не открылась.

"Ещё одно проклятье!" – выругался он. Конечно, только в мыслях. Сказать такое вслух не позволяли ни воспитание, ни желание сохранить остатки контроля над ситуацией.

Справившись с дверью, которая открывалась вовнутрь (иначе колокольчик не прозвенит), Анаэрин вдохнул холодный вечерний воздух. Совершённое несколько минут назад открытие выбило почву из-под ног журналиста. По-хорошему, ему следовало пойти домой и заняться другими делами, например, статьёй, сдачу которой он просрочил ещё несколько дней назад... Мало вероятно, что за те дни, пока Анаэрин

будет занят оформлением нового розового билета, произойдёт что-то катастрофически ужасное. Однако, когда ведёшь непримиримую войну с системой, сдаваться перед очередной бюрократической препонной ощущалось чем-то противоестественным. Выйти победителем было делом *принципа* .

– Но что же предпринять? – спросил Анаэрин, обратив взор на бесконечную Вселенную, то есть к морю.

"Купить кровь по текущему билету не получится. Теперь это ясно, как день недели", – рассуждал он, прохаживаясь вдоль витрин магазинов, где один за другим переворачивались таблички с "Отворено" на "Затворено".

Почему вообще разрешение выдаётся на столь малое количество дней? Почему нельзя получить лицензию чернокраса на несколько лет, как это делалось с разрешением на оружие? В Скоркосе с большей вероятностью можно умереть, получив пулю, нежели став жертвой колдуна!

Если подумать логически, то это ещё и дискриминация по признаку... Какому? Не расовому, конечно. Но и профессиональным его не назовёшь.

Чтобы человек стал чернокрасом, нужно заключить договор, сделку, союз – что угодно – с одной из *Сущностей* , называемых *ларами* . Сколько их сказать в точности никто не мог. Некоторые утверждали, что всего восемь, другие – бесконечное множество. Но каждый чернокрас был связан только с *одним* ларом. Условия, на которых заключается сей союз, – дело лишь чернокраса и лара. А вот плата для всех

одна – *кровь* .

Мысли о чернокрасах и ларах напомнили журналисту об одном знакомом некроманте с изрезанными руками. Прекрасный пример системной дискриминации – некроманты считались личностями асоциальными и вообще не могли получить разрешение. Что в большинстве случаев подталкивало их к самоповреждению или, что случалось чаще – на преступную стезю.

Убийство или чёрный рынок крови для Анаэрина вещи неприемлемые. А вот перекупка крови у того, кто приобрёл её *легально* – куда более соответствовало его нравственным принципам. С одной стороны, это, несомненно, выходило за пределы границ юридической легальности. С другой – это хорошая сделка с совестью.

Договорившись с самим собой и обрадованный найденным решением проблемы, журналист поспешил вернуться в бакалею. Успех его предприятия напрямую зависел от мучителя шарфов, поэтому, увидев его спину за стеклом бакалеи, Анаэрин молнией влетел обратно в лавку.

Звякнул колокольчик.

Человек в шарфе резко обернулся, чуть ли не выронив какое-то небольшое приспособление, которое держал в руке и направлял в сторону Раэзии.

Это был крохотный револьвер.

"Великие поэты, ограбление!"

Глаза Анаэрина округлились. Он так и застыл на месте,

прикованный к полу, разом забыв всё, что собирался сказать.

Грабитель тоже не произнёс ни слова.

Молчала Раэзия.

Неловкое молчание давило. Склизкое и холодное оно налипло на узкие брюки Анаэрина, и чем дольше он не мог считать его с себя, тем сильнее его одолевало желание закричать, замахать руками, сделать что угодно, лишь бы немедленно избавиться от этого чувства. Наконец, наивысшая точка была достигнута, и Анаэрин не выдержал:

– Как видите, я столкнулся с затруднением, – неловко улыбаясь, словно застал любовников в минуту ласки, заговорил он и в качестве доказательства продемонстрировал свой розовый билет, сунув его преступнику чуть ли не в лицо.

– От меня-то тебе, чего надо?

В наигранно низком тоне улавливался девчачий голосок. Девушка в шарфе сделала несколько шагов назад, разрывая дистанцию.

– Раз уж вы, юная леди, всё равно грабите магазин, может и для меня возьмёте пару вещиц? – немного безумно хихикнул мужчина.

Грабительница явно не ожидала возвращения Анаэрина, и теперь старалась встать так, чтобы держать в поле зрения и его, и Раэзию одновременно. Дуло смотрело куда-то между ними. Револьвер, кстати, был совершенно обычный. Отличал его только карманный размер. Спрятанный на виду, вероятно, в складках шарфа, игравшего роль пояса-силава,

предназначенного для ношения оружия.

"Закрытое лицо. Пояс... И как я только сразу не догадался!" – упрекнул Анаэрин себя. Кажется, сегодня он соберёт весь список тем для насмешек.

– Всю выручку за день, быстрее! – скомандовала грабительница, игнорируя предложение Анаэрина.

– Пакет нужен или вы со своим? – уточнила Раэзия.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Анаэрин не мог не отдать должное человеку, нанимавшего эту женщину на работу. Лучшего продавца для магазина крови и представить нельзя.

Но, Великие поэты, кому могло в голову прийти грабить магазин крови?! Это же сущее безумие!

– Вот, – ответила грабительница, выживая из плаща тканевый мешочек для овощей.

"Какая предусмотрительность", – язвительно подумал Анаэрин, глядя на то, как Раэзия почти вырвала мешок из руки девушки.

"Что ещё она предусмотрела? Не удивлюсь, если корсет из костей и мешки с солью", – рассуждал детектив, пристально глядя на грабительницу в шарфе.

Нужно отдать должное – план был рабочим. Прийти незадолго до закрытия магазина, дожидаться, когда все посетители уйдут... Требовать именно деньги – лучшая стратегия. Хищение крови будут тщательно расследовать, а продать её можно только на чёрном рынке. С большими рисками для

себя. Деньги, однако, *не пахли* и оправдывали все риски. Ну, или большую их часть.

Единственное, чего она не смогла учесть, что Анаэрин вернётся. Хотя без крови особой опасности он не представлял. К тому же, распыляемые в бакалее соли препятствовали связи с ларами. Это Анаэрин чувствовал очень хорошо. Точнее будет сказать, не ощущал ничего присутствия.

Под дулом револьвера Раэзия перекладывала деньги из кассы в мешок. Делала она это, как будто, нарочито медленно. И это хорошо. Анаэрину требовалось время, чтобы придумать новый план. Раз за разом он отбрасывал варианты. Одна из последних редакций включала элементы физического противостояния. У Анаэрина были очевидные преимущества в виде роста и, что называется, мужественности. Не пренебрегай он уроками самообороны, мог бы попытаться выхватить револьвер. Но кого он пытался обмануть? Суровая правда такова – боец из него был так себе.

Да и здравый смысл ещё не покинул его.

Девушка в шарфе то и дело бросала на него быстрые взгляды. Нервы – неудивительно.

– Так как насчёт нашей сделки?

– За дуру меня держишь? – огрызнулась преступница.

– Вовсе нет. Наоборот, оценил тщательно продуманный план. Ещё ни разу за мою жизнь никто не совершал налёт на магазин крови. Какая претенциозность скрыта под слоем шерстяного изделия!

Анаэрин не был уверен, какого эффекта хотел добиться, но теперь дуло револьвера смотрело прямо на него.

– Эт' ты оскорбил меня так?

– Как можно! Посмел бы я оскорблять человека с оружием в руках, сам будучи совершенно безоружным? Не удивлюсь, если, в отличие от меня, у вас и *разрешение* на оружие имеется?

– А то! – гордо заявила грабительница и выудила из шарфа-пояса чёрный листок.

Анаэрин сначала глазам своим не поверил. И дабы убедиться в отсутствии приступа слепоты или помутнения рассудка, медленно взял листок и начал его читать.

Всё верно. Это был оружейный билет. Непримечательный листок бумаги чёрного цвета с филигранью управы полиции Скоркоса. Обычно на таких значились данные как об оружии, так и об его владельце.

Этот тоже не был исключением. Имя, адрес... и – ставший к этому времени обязательным для всех официальных документов, таких как розовые и чёрные билеты, – фотопортрет.

– Винка Брзо, – произнёс Анаэрин, опустив на девушку взгляд.

Винке потребовалась всего доля секунды, чтобы осознать всю глубину совершённой ошибки. Она подняла голову и встретила взглядом с Анаэрином. В её глазах читались ужас, паника, смятение... Оружие в руках девушки задрожало. Анаэрину показалось, что Винка вот-вот выстрелит.

Через секунду она пулей вылетела на улицу, оставив и билет, и мешок с деньгами.

Звякнул дверной колокольчик. Хлопнула дверь. Анаэрин облегчённо выдохнул.

И повернулся к Раэзии. Между ними вновь повисла неловкая пауза. Оба не ожидали такого окончания событий и как будто первые минуты не могли осознать действительность.

На этот раз тишину нарушила Раэзия. Женщина, закусив губу, первым делом сверилась со своими часами, и только потом начала перекладывать деньги из мешка в кассу. Ставшее ещё более каменным лицо продавщицы красноречивее любой стрелки на циферблате указывало на то, что время перешло дозволенную границу.

– В...

Анаэрину пришлось проглотить своё восхищение несгибаемости Раэзии. Уж больно злобно она закрыла кассовый аппарат на ключ. Детективы не хотелось попасть под горячую руку. Тем не менее, столь удачное разрешение очередного дела настроило его на положительный лад. Вселенная вновь повернулась к нему правильной стороной. А потому вопрос, который он собирался задать с тёплой улыбкой на лице, начинался со слова:

– Может...

– Вы же не думаете, что после всего этого я, нарушив все инструкции и преступив *Закон*, продам вам хоть каплю кро-

ви с просроченным билетом?

Раэзия едва сдерживалась, чтобы перейти на истощный крик. Её лицо покраснело, а в глазах застыли слёзы.

"Бедная женщина", – подумал Анаэрин. Встав на стезю детектива, он еженедельно сталкивался с разного рода опасностями, криминальными элементами и не заметил, как привык к этому. В каком-то смысле ему даже нравилось ощущать опасность, а после наслаждаться послевкусием победы, как от глотка хорошего, дорого вина.

А вот для обычного человека это могло быть изматывающим.

– Что вы, – поспешил оправдаться он. – Просто хотел обсудить с вами возможность возложения на себя долга передачи информации о сегодняшнем происшествии в компетентные органы, дабы вы не упустили шанс вернуться к исполнению *ваших* планов на вечер.

– Славно. Надеюсь, увидеть вас с правильно заполненным билетом и оплаченной пошлиной. И ни минутой раньше.